

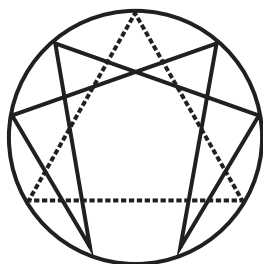

G.I. Gurdjieff

IN SEARCH
OF BEING

The Fourth Way to Consciousness

Г. И. Гурджиев

В ПОИСКАХ БЫТИЯ

Четвёртый Путь к Сознанию

УДК 141.339
ББК 88.4
Г95

Перевод с английского Е. Мирошниченко

Гурджиев Г. И.
Г95 В поисках Бытия: Четвертый Путь к Сознанию / Перев. с англ. — М.: ООО Книжное издательство «София», 2017. — 256 с.

ISBN 978-5-906686-77-0

«Если мы хотим стать осознанными людьми, нам нужно научиться изменять себя, — говорит Гурджиев. — С помощью самопознания и понимания того, каким образом мы связаны с Вселенной, мы можем пробудиться к высшему уровню бытия — если только пожелаем измениться».

Все известные гурджиевские фундаментальные принципы и методы трансформации интеллекта, эмоций и тела, составляющие знаменитую систему «Четвертый Путь», представлены в этой книге в виде понятных и точных высказываний самого Гурджиева, записанных и воспроизведенных его ближайшими учениками.

УДК 141.339
ББК 88.4

IN SEARCH OF BEING
The Fourth Way to Consciousness
Copyright © 2012 by FourthWay Editions, Inc.
Публикуется по соглашению с SHAMBHALA PUBLICATIONS, INC.,
(P.O. Box 308, Boston, MA 02115, USA)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

Все права зарезервированы, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

ISBN 978-5-906686-77-0 © ООО Книжное издательство «София», 2014

Содержание

Предисловие	7
Введение	16
Часть I. Познай себя	
Кто мы?	20
Человек не может «делать»	26
Отсутствие единого «Я»	33
К самопознанию	39
Часть II. Наша человеческая машина	
Функции и центры	42
Состояния сознания	47
Сущность и личность	52
Нематериальные тела	54
Внутренняя алхимия	59
Часть III. Миры в мирах	
Внутри Млечного Пути	66
Закон Трех	68
Луч творения	71
Закон Октав	75
Степени материальности	82
IV. Возможность эволюции	
Сознательная эволюция	88
Знание и бытие	92
Что вверху, то и внизу	96
Уровни развития	99
Духовные пути	103
V. Цель религии	
Осознающее ядро	110
Внутренние круги человечества	114
Религия подразумевает «делание»	119
Эзотерическое христианство	122

VI. В поисках пути

Пробудиться	128
Разочарование	132
Первый порог	136
Без «школ» не обойтись	140
Работа в группах	145

VII. Практическое обучение

Начало самонаблюдения	150
Формирующее мышление	155
Начинайте с мелочей	159
Идентификация	161
Склонность лгать себе	165

VIII. Работа над сознанием

Другой способ наблюдения	169
Увидеть картину в целом	172
Отделить себя от себя	175
Работа с тремя центрами	180
Самовспоминание	184

IX. Вперед, к освобождению

Две реки	192
Добровольное страдание	196
Первое освобождение	200
Свобода от влияний	204
Обретение души	209

X. Знание о бытии

Объективное искусство	213
Поток мифов и символов	215
Символизм и самопознание	219
Эннеграмма	224
Биографические заметки	235
Центры Четвертого Пути	255

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сто лет назад в России Георгий Иванович Гурджиев (1866–1949) представил вниманию публики древнее учение об эволюции человеческого сознания — забытую науку о восприятии реальности в себе и во Вселенной. Хотя при жизни Гурджиев был почти безвестен, после смерти его идеи распространились по всему миру, вдохновляя все новые поколения искателей на исследование эзотерического смысла традиционных религий. Однако вплоть до сегодняшнего дня его раннее учение было опубликовано лишь фрагментарно, в виде упорядоченных только хронологически, а по сути — разрозненных бесед, проведенных между 1915 и 1924 годами. Не предпринималось никаких попыток представить это учение словами самого Гурджиева как некую последовательную целостность.

Гурджиев воспринимал знание о реальности — то, что сам он называл истинным «знанием о бытии», — как некий единый поток, идущий из далекого прошлого и протекающий через эпохи, народы и культуры. Он считал, что это знание является необходимым средством для достижения внутреннего освобождения. Он говорил, что для тех, кто стремится понять смысл жизни человека во Вселенной, основная цель поиска состоит в том, чтобы пробиться к этому потоку, обнаружить его. А тогда уже остается лишь *познавать* для того, чтобы *быть*. Но чтобы познавать, учил Гурджиев, необходимо выяснить, «как *познавать*».

Гурджиев с уважением относился к традиционным путям духовной трансформации, полагая, что все разнообразие их подходов можно разделить на три категории: «*Путь факира*», сосредоточенный на обретении контроля над физическим телом; «*Путь монаха*», основанный на вере и религиозном чувстве; и «*Путь йога*», сориентированный на развитие ума. А свое учение он представлял как «*Четвертый Путь*», требующий *одновременной работы над всеми тремя аспектами нашего существа*. Вместо послушания, которое свойственно вере, этот путь призывает к познанию и пониманию — к пробуждению в

нас иного разума. Как сказал однажды сам Гурджиев, он хотел, чтобы в результате его жизни и учения в мире возникла новая концепция Бога — должен измениться и сам смысл этого слова.

Гурджиев родился в 1866 году на Кавказе, на границе между Россией и Турцией. С самого детства он стремился понять тайну человеческого бытия и пристально вглядывался как в религию, так и в науку. Он обнаружил, что оба подхода вполне убедительны и взаимно дополняют друг друга — но обречены приводить к противоречащим выводам, поскольку опираются на разные предпосылки. Он отчетливо понимал, что ни религия, ни наука по отдельности не могут объяснить смысл человеческой жизни. Гурджиев был уверен, что в древние времена существовало некое истинное и завершенное знание, которое, по-видимому, в некоторых культурах передавалось из поколения в поколение. Он посвятил активному поиску этого знания около двадцати лет, предприняв ряд длительных экспедиций — от Греции и Египта до Центральной Азии, включая Гиндукуш и Тибет.

Вместе с небольшой командой единомышленников Гурджиев обнаружил и объединил элементы забытого знания, которое примиряло великие традиционные религии. Он называл это знание «древней наукой», но ничего не говорил о его происхождении или о его первооткрывателях. Эта наука воспринимала мир зримой материи приблизительно так же, как воспринимает его современная наука: признавая тождественность массы и энергии, иллюзорность и субъективность времени, идеи общей теории относительности. Но Гурджиев не остановился в своих исследованиях лишь на тех аспектах реальности, которые могут быть измерены и подтверждены в ходе управляемых экспериментов. Эта наука также изучала мистический мир за пределами чувственного восприятия, образы иной реальности, бесконечно простирающейся за пределами времени и пространства. Ее цель состояла в том, чтобы понять место человека в космическом порядке, смысл человеческой жизни на Земле, а также по-настоящему познать и ощутить внутри себя реальность как конечного, так и бесконечного миров одновременно. Исток этой науки — в цивилизациях Центральной Азии и Египта, и ее основные принципы вложены во

все традиционные религии. Гурджиев говорил, что эту науку можно было бы назвать «эзотерическим христианством», но при этом отмечал, что ее принципы были разработаны за тысячи лет до Иисуса Христа. С таким же успехом можно было бы назвать ее «эзотерическим буддизмом», хотя она появилась за тысячи лет до Гаутамы Будды.

В 1912 году Гурджиев начал собирать вокруг себя кружок последователей в Москве, а в 1915 году организовал учебную группу в Санкт-Петербурге. Двумя годами позже, спасаясь от ужасов российской революции, он перебрался на Кавказ, и в конце концов в 1922 году обосновался во Франции, где основал институт для продвижения своего учения в *поместье Приэвр* в Фонтенбло, близ Парижа.

Как отмечено в «Биографических заметках» в конце данной книги, одной из ключевых фигур при возникновении *Четвертого Пути* был Петр Демьянович Успенский, присоединившийся к группе Гурджиева в 1915 году и впоследствии отправившийся вместе с ним на Кавказ. Успенский не был простым последователем. Это был человек с пронизательным умом и мощнейшим интеллектом. Он много путешествовал по миру в качестве журналиста, исследуя теософское учение и другие эзотерические традиции. Успенский убедился в существовании высшего сознания на собственном опыте. После неудачной попытки вступить в контакт с некоей эзотерической «школой» в Индии он стал искать то же самое скрытое знание, которое обнаружил Гурджиев и его соратники. Будучи талантливым писателем и преподавателем, Успенский идеально подходил для распространения учения *Четвертого Пути*.

После знакомства с Гурджиевым Успенский заинтересовался тем, что знает Гурджиев об эзотерике и «эзотерических школах». Ему понравилась ясная и точная манера Гурджиева выражать свои мысли. Как и подобает настоящему журналисту, Успенский вел заметки, где дословно приводил высказывания Гурджиева, и нередко эти цитаты занимали по несколько страниц кряду. Успенский помог Гурджиеву собрать группу в Санкт-Петербурге и затем в течение восемнадцати месяцев побуждал его шаг за шагом раскрывать базовые элементы древней науки,

которую участники группы называли «Системой». С дозволения Гурджиева Успенский сохранил свои конспекты этих бесед и затем упорядочил весь этот материал в автобиографической рукописи, озаглавленной «Фрагменты неизвестного учения». Там Петр Демьянович написал, что в 1921 году он предложил Гурджиеву «подробный план книги, основанной на его лекциях в Санкт-Петербурге... И он этот план принял».

По причинам, изложенным в «Биографических заметках», эта книга так никогда и не была написана. До 1924 года Гурджиев был слишком занят работой в своем Институте во Франции, а затем он с головой погрузился в написание своего главного произведения «Всё и вся». Успенский же занялся самостоятельной работой в Лондоне, где вел лекции о *Системе* и писал собственную книгу «Новая модель Вселенной». В этот период общение и сотрудничество между ними практически сошло на нет. Фактически, Успенский прислал Гурджиеву рукопись своих «Фрагментов» лишь в 1947 году — в год собственной смерти. Гурджиев подтвердил, что там все написано верно, и эта рукопись была опубликована посмертно, в 1949 году, как автобиография Успенского, хотя текст на две трети представлял собой дословное цитирование слов Гурджиева. (Во французском издании было сохранено данное самим Успенским название «Фрагменты неизвестного учения». Однако в английском издании название изменили на «В поисках чудесного», чтобы избежать путаницы с ранее изданной книгой Петра Демьяновича «Фрагменты забытой веры».)

Книга, которую вы держите в руках, призвана исполнить изначальную цель Санкт-петербургских бесед. Здесь воспроизведены приведенные Успенским цитаты Гурджиева, которые дополнены конспектами его более поздних лекций, проведенных главным образом в 1922–1924 годах. Эти лекции состоялись в поместье Приэр в Фонтенбло и в Нью-Йорке, где их записала и впоследствии упорядочила ближайшая последовательница Гурджиева Жанна де Зальцман. Они были опубликованы в 1973 году под названием «Взгляды из реального мира».

«В поисках чудесного» и «Взгляды из реального мира» — подлинные источники раннего учения Гурджиева. В автобио-

графической работе Успенского живо воспроизведены перипетии духовного поиска Гурджиева, а также его озарения по критическим аспектам учения, включая вопрос о высших измерениях и толкование *Энеаграммы*. Обе книги-источника содержат дополнительный материал, касающийся идей Гурджиева по поводу самых различных аспектов человеческой жизни, включая образование и искусство. В попытке воссоздать раннее учение Гурджиева мы в данной книге воспроизвели около одной трети части материалов из работы «В поисках чудесного» и еще меньше материалов из «Взглядов из реального мира» — с мыслью о том, что читателю для наиболее полного понимания учения необходимо познакомиться также и с этими исходными источниками.

Данная книга скомпонована и отредактирована небольшой группой последователей Гурджиева и мадам де Зальцман. Если не считать этого предисловия и «Биографических заметок» в конце, данный текст практически полностью состоит из собственных слов Гурджиева, переформулированных на основе нового английского перевода исходного русскоязычного текста «Фрагментов неизвестного учения», а также «Взглядов из реального мира» (с позволения издательства *Penguin Group, USA*). Единственное исключение составляет первый подраздел главы II («Функции и центры»), которая взята из работы Успенского «Психология возможной эволюции человека», где автор подает свое изложение идей Гурджиева относительно функций и центров «*в таком ключе, как их принято излагать в лекциях по психологии*». Слова Гурджиева, записанные в разные времена и сказанные по разному поводу, были приведены к единому стилю и тону, что необходимо для последовательного изложения идей в одной книге. При этом мы старались сохранить использованный Успенским курсив и кавычки, когда эти средства призваны подчеркнуть тот факт, что обычные слова в данном контексте несут в себе некие особые оттенки смысла.

Читателям, которые обращаются к идеям Гурджиева впервые, следует подготовиться к тому, что он бросает вызов самим основам нашего современного мировоззрения — особенно в том, что касается вопросов человеческого сознания и свобо-

ды воли, прогресса и цивилизации, а также значения человеческой жизни для жизни Вселенной. Определяя место нашей Солнечной системы в огромном Млечном Пути, автор использует образ музыкальной гаммы, тем самым устанавливая связь между конечным и бесконечным мирами. Обращаясь к древней космологической теории, он утверждает, что базовые законы, управляющие явлениями мира, одинаковы на всех уровнях и человек является микрокосмом, в котором отражена целая Вселенная. Эту реальность не удастся узреть при взгляде наружу — через мистическое созерцание Земли или небес, — но лишь через обращение внутрь, когда мы пытаемся прозреть толщу времени и пространства внутри себя. Именно в этом изначальный смысл древнего изречения «Познай себя», которое было начертано еще в храмах Древнего Египта, — это призыв раскрыть свое сознание ради того, чтобы увидеть реальность.

Во введении Гурджиев отвергает современное якобы «научное» знание, основанное исключительно на чувственном восприятии, и утверждает, что реальность может быть познана только через особого рода «самоисследование», предпринимаемое в сообществе с другими людьми.

Затем, в следующих главах он обращает наше внимание на то, что реализация этой возможности зависит от нашего желания и наших усилий. Никому, кроме нас самих, эта работа не нужна, и никто ее за нас не выполнит.

Далее он излагает основные принципы учения — но не как некое откровение, которое нам надлежит принять на веру и послушно следовать ему. Наоборот: основная идея состоит в том, что ничего на веру принимать нельзя. Четвертый Путь — это прежде всего путь *познания*, а не путь веры или послушания. Это *путь понимания*.

Гурджиев советует относиться к его писаниям следующим образом: «*Ничего не воспринимайте буквально. Постарайтесь уловить суть*». Очевидно, что это особенно важно в тех случаях, когда он говорит о космических явлениях и отношениях (например, «*луч творения*» или «*пища для луны*») или же о метафизических концепциях (*обретение надсубстанциональных «тел»*). Но это в равной мере применимо и к многомозговой

структуре человеческой психологии, которая, по его собственным словам, предлагается «лишь как схема для самонаблюдения». *Ничего не следует воспринимать буквально.*

«Биографические заметки» позволяют нам заключить, что Четвертый Путь — это эзотерическое учение о том, что Гурджиев называл *Великим Знанием*: забытая наука о взаимоотношениях человека с Богом и со Вселенной, которая на протяжении многих тысячелетий передавалась путем посвящения в Центральной Азии, Египте и Греции. То же страстное желание обнаружить это скрытое знание руководило и ближайшим другом Гурджиева, русским князем и последователем буддизма Ваджраяны. И именно принципы эзотерической передачи определяли соответственные роли Гурджиева и его ближайших последователей — Успенского и Жанны де Зальцман.

Определяющая черта эзотеризма состоит в том, что он проводит различие между внешней, экзотерической формой учения, которая отчетливо видима непосвященным, и внутренним, эзотерическим содержанием, которое может быть известно лишь последователям учения, прорабатывающим это эзотерическое содержание на практике. Внешнюю форму может сообщить вам любой человек, понимающий доктрину. Но внутреннее может быть передано лишь посвященными, *проживающими учение на практике.*

Гурджиев говорит об этом различии в главе V. Эта глава посвящена религии, и там Георгий Иванович четко проводит грань между обучением доктрине, определяющим то, *что* нужно сделать, и обучением практическим знаниям — *тому, как* это сделать. С точки зрения Гурджиева, лишь человек, живущий в соответствии с заповедями Христа, имеет право называть себя христианином.

Раннее учение Гурджиева в той форме, в какой он преподавал его для членов санкт-петербургской группы и для своих учеников в Приэре, представляло собой внешнюю форму идей, предназначенную для тех, кто пока еще не имел опыта практической работы с сознанием. Гурджиев учил, что путь к объективной реальности лежит через «самосознание», но он

мог указать требуемое направление лишь в концептуальных терминах, при помощи иллюстраций из повседневного опыта. Например, ключевое взаимоотношение между умом, чувством и телом он метафорически описал как взаимодействие между кучером, лошадью и экипажем. Образ дома с четырьмя комнатами указывает на необходимость одновременной работы во всех четырех «комнатах». А потребность в «сверхусилии» — иными словами, в усилии, превосходящем наши обычные возможности, — означает сверхобычное усилие, как это бывает, когда мы продолжаем действие после того, как совсем уже выбьемся из сил. Имея дело с неподготовленной публикой, Гурджиев не мог указать на внутреннюю работу, которая необходима либо для обретения связи с низшими центрами, либо для открытия высших центров. В более поздние годы он имел обыкновение читать посетителям из Америки и Англии выдержки из своей первой книги «Рассказы Вельзевула своему внуку», используя ее в качестве источника аллегорий.

Успенский с самого начал распознал эзотерическую природу учения Гурджиева, ибо уже был знаком с теософическими писаниями и лично путешествовал по Индии в поисках эзотерической «школы». Познакомившись с Гурджиевым, он немедленно захотел узнать, что тот знает об эзотерике и эзотерических школах. Как отмечено в «Биографических заметках» в конце данной книги, позже он сам осознал, что его собственная роль состояла скорее в том, чтобы способствовать разработке системы идей — внешней формы учения, — а не в том, чтобы заниматься внутренней практикой под руководством Гурджиева. Поскольку оба они воспринимали учение как явление эзотерическое, формальный разрыв между ними не являлся разделением или расколом, как то воспринимали последователи одного и другого.

Данная интерпретация, которая подразумевает наличие эзотерической и эзотерической стороны как в самом учении, так и в поведении основных действующих лиц, противоречит бытующему взгляду, основанному на толковании лишь внешней стороны происходящего. С моей точки зрения, ключом к пониманию ситуации являются два факта, отмеченные в биогра-

фических очерках. Во-первых, Гурджиев «проклял» независимое учение Успенского, сравнив его действия с предательством Иуды Искарриота, тогда как в действительности сам Гурджиев глубоко чтит Иуду как самого верного ученика, который один только и понимал миссию Христа. Во-вторых, Успенский, со своей стороны, самоотверженно отрекся от *Системы*, которую сам же преподавал в течение двадцати пяти лет, ради того чтобы его последователи чувствовали себя свободными перейти к Гурджиеву. Эти отдельные, весьма необычайные действия, на мой взгляд, не поддаются никакому объяснению — если только эти два учителя не действовали согласованно ради продвижения Четвертого Пути. Вполне естественно, что ни один из них ни разу не признался в существовании сговора, равно как и мадам де Зальцман, которая должна была о нем знать. Но подтверждением существования такого сговора может служить тот факт, что в 1947 году она приехала в Лондон специально для того, чтобы пригласить Успенского в Париж для воссоединения с Гурджиевым. Я лично слышал, как сорок лет спустя она вспоминала о своей последней встрече с Успенским за девять месяцев до его смерти. Мадам де Зальцман сказала, что они беседовали с Успенским до поздней ночи, и тот горько плакал из-за того, что не может вернуться в Париж. Именно тогда он вручил Жанне рукопись «Фрагментов», чтобы она передала ее Гурджиеву. Больше всего меня тронуло то, как мадам де Зальцман говорила об Успенском: с глубочайшей дружеской теплотой и любовью, которую она никак не могла бы испытывать, если бы он действительно предал человека, которого она почитала как своего Мастера.

Стивен А. Грант

ВВЕДЕНИЕ

Ясной звездной ночью выйди в поле и посмотри на небо — у тебя над головой миллионы миров. Помни: не исключено, что в каждом из них живут миллиарды существ, возможно похожих на тебя, а возможно и превосходящих тебя своей организацией. Посмотри на Млечный Путь. Землю нельзя назвать даже песчинкой в этой бесконечности. Она теряется и исчезает. И вместе с ней ты — где ты?

Знание о связи человека со Вселенной существует с древних времен. Это Великое Знание всегда одинаково — но форма, в которой оно проявляется, изменяется в зависимости от места и эпохи. Подобно языку, который развивается с течением веков, старая форма едва ли понятна последующим поколениям. Чаще всего послание воспринимается буквально — и в результате его внутреннее содержание утрачивается.

Великое Знание последовательно передается из века в век, от народа к народу, от культуры к культуре. Важнейшие центры посвящения — в Индии, Ассирии, Египте, Греции — озаряют мир ярким светом. Высокочитимые имена Великих Посвященных, живых носителей истины, с глубочайшим трепетом передаются из поколения в поколение. Истина зафиксирована в символических писаниях и легендах — и еще она дана народным массам для сохранения в виде обычаев и церемоний, в виде устных преданий, памятников и произведений священного искусства, где она присутствует через некие незримые качества танца, музыки, скульптуры и различных ритуалов. И еще, после определенных испытаний, истина может быть напрямую передана тем людям, которые активно ее ищут, — таким образом, она сохраняется также через устную передачу по цепи знающих.

По прошествии определенного времени центры посвящения приходят в упадок один за другим и древнее знание по подземным каналам уходит вглубь, скрываясь от глаз искателей. Носители этого знания тоже прячутся, становясь незаметными для окружающих. Но они не перестают существовать. Время

от времени отдельные ручейки пробиваются на поверхность, указывая на то, что где-то в глубинах, в недрах даже и в наши дни протекает могучий древний поток истинного *Знания о бытии*.

Пробиться к этому потоку, обнаружить его — вот задача и цель поиска. Ибо, найдя его, человек может смело вверить себя пути, по которому он намерен идти. И тогда остается лишь «познавать», чтобы «быть» и «делать». Принцип самопознания ясен: *чтобы познать, нужно выяснить, как познавать*.

На этом пути искатель не будет совершенно одинок. В трудные моменты он получит поддержку и руководство, ибо все идущие этим путем соединены непрерывной цепью. Согласно эзотерической теории, человечество состоит из большого внешнего круга, охватывающего всех людей, в центре которого расположен малый круг из сведущих и понимающих. Это — эзотерические и эзотерические очертания цивилизации, параллельные и независимые друг от друга. Одна из них неизменно пересиливает вторую и развивается, тогда как вторая приходит в упадок. Период эзотерической цивилизации приходит тогда, когда складываются благоприятные внешние условия — политические и социальные. И тогда получает широкое распространение *знание*, сокрытое в форме учения, соответствующего текущим условиям момента и места.

Каждая религия указывает на существование некоего общего центра знания, и это же знание выражено в каждой священной книге — даже если люди и не стремятся приобщиться к нему. Фактически, это знание намного более доступно, чем мы обычно предполагаем. Никто ничего не скрывает, нет никакой тайны. Но для обретения и передачи истинного знания требуется огромный труд — как со стороны передающего, так и со стороны получающего. И те, кто владеют этим знанием, делают все от них зависящее, чтобы поделиться им с максимально возможным количеством людей, всегда стараются помочь им приблизиться к знанию и обрести состояние, когда они будут готовы к восприятию истины. Но в конечном счете знание невозможно кому-либо навязать, и беспристрастное исследование жизни среднего человека (чем он интересуется и чем на-

полнены его дни) убедительно показывает нам, что проблема состоит в том, что люди либо *не желают* этого знания, либо *не способны* принять его.

Всякий, кто хочет знаний, должен в первую очередь принять усилие, чтобы самостоятельно обнаружить его источник и приблизиться к нему. Это можно сделать просто через следование знакам, которые, хотя и доступны нам всем, большинство людей отказываются видеть или признавать. Знание никогда не придет само. Мы прекрасно это понимаем, когда речь идет об обычном знании... Что же касается Великого Знания, то, если даже мы допускаем возможность его существования, почему-то ожидаем чего-то другого. Мы все прекрасно понимаем, например, что, если человек захочет научиться говорить по-китайски, это потребует нескольких лет упорного труда. Мы знаем, что для овладения основами медицинской профессии требуется пять лет, а для овладения музыкой или живописью, возможно, даже вдвое больше. Тем не менее есть теории, утверждающие, что мы можем приобретать *знание* без всяких усилий, даже *пребывая во сне*. Сам факт существования таких теорий служит нам очередной подсказкой, почему знание до сих пор от нас скрыто. Но в то же время нужно понимать, что наши *самостоятельные усилия* в этом направлении никак не могут привести нас к успеху. Мы можем обрести знание лишь с помощью людей, которые им уже обладают. *Нужно учиться у того, кто уже знает.*

Наше нынешнее знание основано на чувственном восприятии — в точности, как у детей. Если мы хотим обрести знание о реальности, нам нужно изменить себя, открыться для высшего состояния сознания через развитие своего бытия. Перемена в знании приходит через перемену в бытии. Нам нужно вначале познать себя, затем с помощью самопознания научиться изменять себя — если только мы хотим себя изменить. Различные системы и школы могут указать на методы и способы, позволяющие сделать так, чтобы новое знание могло прийти к нам извне, когда мы будем готовы. Но ни одна система и ни одна школа не может проделать нашу работу за нас — необходимо

выполнить ее самим. Внутренний рост и изменения в бытии всецело зависят от той работы, которую человек делает сам.

В следующих главах я схематически объясню многие вещи, включая законы единства, отображающиеся во всех явлениях. Но когда мы используем слова для работы с объективным знанием во всем его единстве и многообразии, любые попытки буквального понимания приводят к заблуждению. Поэтому не понимайте ничего буквально. Просто попытайтесь ухватить принцип, чтобы понимание становилось все более и более глубоким. В этом учении первый принцип состоит в том, что *ничего не следует принимать на веру*. Не следует верить ничему, что не можешь сам проверить и подтвердить для себя.

ПОЗНАЙ СЕБЯ

КТО МЫ?

Говоря на самые разные темы, мы можем обратить внимание, как сложно бывает передать свое понимание даже по самому обычному предмету и даже хорошо знакомому человеку. Наш язык слишком беден для полных и точных описаний. Этот дефицит понимания между людьми представляет собой математически упорядоченный феномен, столь же точный, как таблица умножения. В целом понимание определяется так называемой «душой» вовлеченных в общение людей, а в частности — состоянием их души в данный конкретный момент.

Мы находим подтверждения этого закона на каждом шагу. Для понимания между людьми нужно, чтобы не только говорящий умел высказывать свою мысль, но и слушатель умел слушать. Тут первым делом необходимо создать принципиальную возможность для взаимопонимания. Для этого каждому нужно посмотреть на вещи — особенно на самих себя — с особой точки зрения, в особом ракурсе, который может отличаться от привычного или естественного для нас. Только посмотреть — ибо сделать что-то большее возможно лишь при наличии желания и сотрудничества со стороны слушателя, лишь тогда, когда слушатель перестает быть пассивным и переходит в состояние активного слушания.

Очень часто в беседах мы слышим прямо высказанное или подразумеваемое предположение, что человека, каким мы наблюдаем его в нашей повседневной жизни, можно воспринимать чуть ли не как центр Вселенной, «венец творения»... или, по меньшей мере, нам следует считать его великой и важной сущностью с практически неограниченными возможностями и силами. Но и у такого взгляда есть ряд оговорок. Мы при-

знаем, что для реализации этих сил требуются некие особые предпосылки: исключительные обстоятельства, вдохновение, откровение и тому подобное.

Однако же если мы внимательно рассмотрим эту концепцию «человека», то увидим, что этот образ собирательный — то есть состоит из черт, принадлежащих не какому-то одному человеку, но целому ряду известных или воображаемых отдельных индивидуумов. Мы никогда не найдем такого человека в реальной жизни — ни в настоящем, ни среди реальных исторических персонажей в прошлом. У каждого из нас есть свои собственные слабости — и если всмотреться в человека пристальнее, то мираж величия и могущества рассеивается. Однако самое интересное даже не то, что мы узнаем других в этом мираже, но то, что, в силу некоторых особенностей устройства нашей души, каждый из нас проецирует его и на себя — если даже не в полной мере, то хотя бы отчасти, в качестве некоего отблеска. И вот, хотя все мы являемся самыми обыкновенными людьми, мы воображаем, будто принадлежим к этому собирательному образу — либо же не слишком далеко от него отстоим.

Если бы мы умели быть по-настоящему искренними с самими собой — не в том смысле, в каком обычно понимают это слово, но в смысле *беспощадной честности*, — то не ожидали бы лестного ответа на вопрос «Кто мы?». Между тем в том виде, какие мы есть, почти любого человека этот вопрос привел бы в замешательство, и вместо ответа он спросил бы: «Что ты имеешь в виду?» А затем он бы осознал, что прожил всю свою жизнь, не задавая себе этого вопроса, но принимая за бесспорную истину, за аксиому — будто он представляет собой «нечто», более того — нечто ценное, нечто несомненное. И в то же время никто из нас не способен объяснить другому человеку, что представляет собой это «нечто», — никто не способен передать даже общую идею этого, ибо мы и сами не знаем, что же это такое. Может быть, причина, почему мы не знаем, состоит в том, что в действительности никакого такого «нечто» и не существует, а мы просто выдумали его? Разве не удивительно, что мы уделяем так мало внимания самим себе и

не проявляем настоящего интереса к самопознанию? Разве не странно, что мы закрываем глаза на то, чем на самом деле являемся, и всю жизнь пытаемся укрепить собственную убежденность в том, что мы представляем собой нечто ценное? Мы не видим пустоты, скрывающейся за фасадом самообмана, и не осознаем, что эта наша мнимая ценность является предметом существующего между людьми негласного уговора.

Правда, так бывает не всегда. Не все смотрят на себя поверхностно. Существуют пытливые умы, которые ведут поиск от всего сердца, искренне стремятся решать поставленные жизнью проблемы и задачи, пытаются проникнуть в суть вещей и понять самих себя. Если мы рассуждаем здраво, то, какой бы путь мы ни выбрали для решения этих жизненных задач и проблем, каждый из нас неизбежно возвращается к себе. Нам нужно начинать с решения задачи о том, что есть мы и каково наше место в окружающем мире. Ибо без этого знания у нас нет центра притяжения для нашего поиска. Таким образом, слова Сократа «*познай себя*» остаются основным руководящим принципом для всех, кто ищет истинного знания и *бытия*.

Только что я использовал новое слово — «*бытие*», — и очень важно, чтобы мы понимали его одинаково. Мы уже задавались вопросом о том, соответствуют ли наши представления о себе тому, кто мы есть в реальности. Например, кто-то — врач, кто-то — инженер, кто-то — художник. Но являемся ли мы в действительности теми, кем себя считаем? Можем ли мы определять себя через свою профессию или через тот опыт, который дала нам она или подготовка к ней?

Наша картинка самих себя формируется на основании нашего опыта. Каждый из нас приходит в этот мир чистым, словно белый лист бумаги. Затем окружающие люди и обстоятельства наперебой стараются запятнать этот лист, нанести на него какие-то надписи и символы. В дело вступает образование, моральное воспитание, информация, называемая «знаниями», — все эти чувства долга, чести, совести и так далее. И окружающие люди в один голос настаивают, что методы, принятые для прививки к стволу всех этих ростков, которые называются «человеческой личностью», неизменны и непогрешимы. По-

степенно лист бумаги оказывается замаран, и чем больше он покрывается так называемыми «знаниями», тем более умными нас считают окружающие. Чем больше исписан участок под названием «долг», тем более честными нас считают. Это касается всего. И мы, видя, что люди почитают за добродетель всю эту пачкотню на нашей поверхности, и сами начинаем ценить ее. Это пример того, что мы называем «человеком», нередко прибавляя к этому слову даже такие эпитеты, как «талантливый» и «гениальный». Между тем этот «гений» может целый день пребывать в дурном расположении духа лишь из-за того, что, пробудившись утром, не обнаружил свои тапочки возле кровати.

Мы не осознаем, что не свободны ни в своих манифестациях, ни в жизни. Никто из нас не может быть таким, каким хотел бы быть, и таким, каким себя считает. Никто из нас не похож на собственный образ самого себя, и слова «человек — венец творения» к нам неприменимы. «Человек» — звучит гордо. Но мы должны спросить себя: какого типа человек? Конечно же, не тот, кто раздражается по любому поводу, уделяет чрезмерное внимание разным пустякам и постоянно отвлекается на все подряд. Чтобы иметь право называть себя «человеком», нужно действительно *быть* человеком. А это «бытие» приходит только через самопознание и развитие в том направлении, которое определяется в результате этого самопознания.

Пытались ли мы когда-нибудь наблюдать себя тогда, когда наше внимание не сосредоточено на решении какой-либо определенной проблемы? Большинство из нас знают, что это такое, но, вероятно, лишь немногие вглядывались в себя систематически. Несомненно, мы знаем о том, что наше мышление протекает путем случайных ассоциаций — когда нить мыслей нанизывает на себя разрозненные образы и воспоминания и все, что попадает в поле нашего сознания или хотя бы слегка с ним соприкасается, пробуждает случайные ассоциации. Кажется, что нить мыслей тянется непрерывно, сплетая воедино обрывки прошлых впечатлений, почерпнутые из различных записей нашей памяти. Эти записи проигрываются снова и снова, а между тем аппарат нашего мышления проворно пря-

дет из этого материала все новые нити мыслей. Наши чувства непрестанно движутся одними и теми же путями, приятные и неприятные — радость и печаль, смех и раздражение, наслаждение и боль, симпатия и антипатия. Мы слышим похвалу в свой адрес — и испытываем удовольствие; кто-нибудь нас бранит — и настроение портится. Что-то новое привлекает наше внимание и заставляет мгновенно забыть о том, что так сильно интересовало нас секунду назад. Постепенно наш интерес привязывается к новой вещи, причем настолько сильно, что мы окунаемся в нее с головы до пят. Внезапно мы оказываемся одержимы, попадаем к ней в плен. Мы исчезаем. И эта предрасположенность попадать в плен, эта одержимость свойственна каждому из нас, хотя и надевает разные маски. Эта склонность связывает нас по рукам и ногам, отнимает силы и время и не оставляет никакой возможности быть объективными и свободными — два наиболее существенных качества, которые необходимы любому, кто намерен идти путем самопознания.

Если мы хотим самопознания, то должны стремиться к свободе. Цель самопознания и возможного саморазвития настолько важна и серьезна — и она требует настолько напряженных усилий, — что просто невозможно преследовать ее привычным способом, да еще и одновременно с другими интересами. Если уж мы наметили эту цель, то нужно поставить ее на первое место в нашей жизни — ибо жизнь слишком коротка, чтобы растрчивать ее на пустяки. Для того чтобы затраченное на поиск время не прошло зря, нам нужна свобода от любых привязанностей. Свобода и серьезность. Не та серьезность, которая, поджав губы, глядит из-под насупленных бровей, скупно отмеряет свои жесты и цедит слова сквозь зубы, но та серьезность, которая означает решимость и упорство, настойчивость и постоянство в своих начинаниях, чтобы поиск продолжался даже в минуты отдыха.

Пусть каждый спросит себя: «Свободен ли я?» Если мы сравнительно обеспечены в материальном смысле и можем не тревожиться о завтрашнем дне, если мы ни от кого не зависим в том, что касается приобретения средств к существованию и выбора условий нашей жизни, то мы склонны ответить на

этот вопрос утвердительно. Но требуемая нам свобода — не вопрос внешних обстоятельств. Она касается нашей внутренней структуры и отношения к этим внутренним условиям. Возможно, мы думаем, будто наша несостоятельность связана лишь с нашими автоматическими ассоциациями — а в отношении всего того, что мы «знаем», ситуация иная?

На пути нашей жизни мы все время чему-нибудь учимся и называем результаты этого обучения «знаниями». Но, несмотря на все эти знания, на поверку слишком часто оказывается, что мы оторваны от реальной жизни и в результате плохо приспособлены к ней. Большинство из нас — недоучки, вроде головастиков, или же просто кое-как «образованные» люди, имеющие совсем мало информации о многих вещах, да и эта информация расплывчата и неадекватна. На самом деле ее вообще вряд ли можно назвать информацией. Мы не можем называть это знанием, ибо знание — неотчуждаемое свойство человека. Его не может быть больше, его не может быть меньше. Ибо человек *знает* лишь тогда, когда он сам *является этим знанием*. Что же касается наших убеждений — то разве мы никогда не наблюдали, как они меняются? Разве они не изменчивы, как и все в нас? Было бы правильнее назвать их мнениями, а не убеждениями, ибо они столь же зависят от нашего настроения, как и от информации, а возможно, даже от состояния нашей пищеварительной системы в данный момент.

Каждый из нас представляет собой самый обычный образец живого автомата. Мы можем думать, будто для того, чтобы жить так, как живем мы, требуется «душа» или даже «дух». Но, по-видимому, вполне достаточно ключика для завода пружины нашего механизма. Мы заводим себя при помощи ежедневных порций пищи, которая снова и снова оживляет бессмысленные и бесполезные ассоциации. Из этих ассоциаций мы выбираем отдельные мысли. Мы пытаемся связать их с неким всеобщим целым, а затем выдаем на-гора, представляя их как нечто ценное и исконно наше. Кроме того, мы делаем выборки из чувств, ощущений, настроений и переживаний. И из всего этого мы создаем мираж внутренней жизни. Мы называем себя сознающими и мыслящими существами, ведем беседы о Боге, о бес-

предельности, о вечной жизни и прочих высоких материях. Мы говорим обо всем, что только можно себе представить, судим и спорим, даем определения и оценки. Между тем мы избегаем разговоров о себе — о своей реальной объективной ценности. Ибо все мы убеждены, что, если в нас чего-то и недостает, мы можем легко обрести все это.

Как мы уже говорили, некоторым людям свойствен голод и жажда истины. Если мы исследуем проблемы жизни, будучи честными перед собой, то придем к убеждению, что больше невозможно жить так, как мы жили, и быть такими, какими мы были до сих пор. Найти выход из этой ситуации жизненно важно. Однако мы можем развить свои потенциальные способности лишь тогда, когда вычистим весь тот мусор, который налип на шестерни нашей машины в течение жизни. Чтобы осуществить эту задачу разумным образом, нам нужно видеть, что именно нужно вычистить, где и как. А увидеть это самостоятельно почти невозможно. Чтобы увидеть такие вещи, требуется объективный взгляд со стороны. И здесь нам необходима взаимопомощь.

Так обстоят дела в области самопознания. Для того чтобы «делать», нам нужно *знать*, но для того, чтобы знать, нам нужно выяснить, *как* узнать. И мы не можем выяснить это самостоятельно.

ЧЕЛОВЕК НЕ МОЖЕТ «ДЕЛАТЬ»

Для точного исследования требуется точный язык. Но обычный язык, на котором все мы говорим, излагаем то, что мы знаем и понимаем, и пишем книги, даже отдаленно не годится для этого. Неточная речь не может служить точному знанию. Слова слишком широки, слишком расплывчаты и неопределенны, и в то же время вкладываемое в них значение слишком произвольно и переменчиво. Они не могут нести в себе сколько-нибудь постоянного значения. Нет никакого способа указать на текущее значение и конкретные нюансы, которые мы вкладываем в каждое слово, — то есть на то, в каком отношении мы его употребляем в данный момент. Мы и не ставим перед

собой такой цели. Наоборот, мы постоянно желаем установить свое собственное значение для слова и всегда употребляем его в этом смысле, что, очевидно, невозможно, ибо одно и то же слово в разное время и в разных обстоятельствах несет в себе разные значения.

Неправильное употребление слов и внутренние свойства слов как таковых делают их ненадежным инструментом для точной речи и передачи знаний, не говоря уж о том, что у нас нет ни слов, ни выражений для обозначения многих идей, доступных нашему рассудку. Для точного выражения значений может служить один лишь язык чисел, но этот язык подходит только для обозначения и сравнения *количеств*. Однако вещи различаются не только размером, и их количественное определение оказывается недостаточным для точного познания и анализа. Мы не умеем применять язык чисел к атрибутам, не умеем численно выражать то или иное качество по отношению к некоей константе. Если бы это было возможно, мы могли бы точно выражать себя посредством языка. Тем не менее нам нужно максимально приблизить свое мышление к математическому обозначению вещей и событий и найти возможность понимать себя и друг друга.

Если мы возьмем любое из наиболее широко употребляемых слов и рассмотрим, насколько разные значения они приобретают в зависимости от того, кто и как их употребляет, то поймем, почему мы не в силах выразить свою мысль точно и почему все, что мы думаем и говорим, оказывается столь неоднозначным и противоречивым. Помимо многозначности слов как таковых, еще одной причиной этой путаницы и противоречивости является тот факт, что мы и сами для себя никогда не определяем точного значения, в котором мы используем то или иное слово, а только удивляемся, почему другие люди не понимают того, что кажется столь очевидным для нас. Например, если произнести слово «мир» в компании из десяти человек, каждый из них поймет его по-своему. Если бы мы умели улавливать и записывать собственные мысли, то обнаружили бы, что у нас нет никаких идей, связанных со словом «мир», — есть только всем знакомое выражение и известный звук, значение

которого считается общеизвестным. Услышав это слово, каждый из нас словно бы говорит себе: «Ага, “мир”... я знаю, что это значит». В действительности же мы вовсе даже и не знаем. Но слово нам знакомо, и поэтому в отношении него не возникает никаких вопросов — мы просто принимаем его. Вопросы возникают лишь в отношении новых слов, которые нам не знакомы, и тогда мы заменяем неизвестное слово известным. Мы называем это «пониманием».

Если же спросить себя, что мы понимаем под словом «мир», такой вопрос озадачит нас. Обычно, слыша или используя это слово в беседе, мы не задумываемся о его значении — поскольку однажды решили для себя раз и навсегда, что мы его знаем — и все остальные знают. А тут вдруг мы впервые обнаруживаем, что вовсе не знаем значения слова «мир» — и никогда даже не задумывались об этом. Однако мы не сможем и не сумеем долго сохранять осознание собственного невежества. Для этого нам недостает ни способности для наблюдения, ни честности перед самими собой. Мы очень скоро восстановимся — то есть снова начнем себя обманывать. Мы вспомним или наскоро скомпилируем значение слова «мир», опираясь на какой-нибудь привычный источник, либо же позаимствуем его у кого-то. Затем мы выставим это значение как свое собственное понимание — хотя в действительности мы никогда не думали об этом слове и на самом деле даже не знаем, о чем мы вообще когда-либо думали.

Тем не менее если бы мы подошли к этому вопросу правильно, то могли бы достаточно точно установить, что мы понимаем под этим словом. И при верном понимании это определение содержало бы в себе все точки зрения на мир и все подходы к этому вопросу. Затем, достигнув согласия по поводу такого определения, мы могли бы беседовать друг с другом о мире. В действительности только исходя из таких определений мы и можем понимать друг друга. Так получается потому, что, фактически, мы одновременно живем в шести мирах — подобно тому, как мы живем на таком-то этаже такого-то дома, на такой-то улице некоего города, государства и континента. Если мы говорим о своем месте жительства, не обозначая, имеем ли

мы в виду дом, или город, или часть земного шара, то нас, несомненно, нельзя будет понять. Но именно так мы всегда говорим о вещах, не имеющих практического значения. Одним и тем же словом мы с равной легкостью обозначаем целый ряд понятий, которые соотносятся друг с другом так же, как ничтожная часть соотносится со всем колоссальным целым.

Точная речь должна всегда достаточно конкретно указывать, в каком отношении употреблено каждое понятие и что оно в себя включает — из каких частей состоит и частью чего само является. С точки зрения логики это вполне понятно и бесспорно, но, к сожалению, на деле так никогда не происходит — хотя бы из-за того, что мы часто даже не знаем и не ведаем, как определить составные части и отношения используемого нами понятия. Один из важных принципов данного учения состоит в том, чтобы уяснить относительность каждого понятия, но не в абстрактном смысле — дескать, «все на свете относительно», но с точным указанием того, в чем и как оно соотносится со всем остальным.

Если мы сейчас возьмем такое понятие, как «человек», то опять-таки обнаружим недопонимание этого слова — увидим, что и в него вкладываются все те же противоречия. Мы все употребляем это слово и полагаем, будто знаем, что означает «человек». Но в действительности каждый понимает его по-своему — и все по-разному. Ученый-натуралист видит в человеке усовершенствованную породу обезьян, он определяет человека по особенностям устройства зубов и так далее. А вот особа религиозная, верующая в Бога и в загробную жизнь, видит в человеке бессмертную душу, упакованную в смертную земную оболочку и окруженную всяческими опасными искушениями. Экономист видит в человеке производителя и потребителя. И так далее. Все эти взгляды, казалось бы, полностью противоречат друг другу и абсолютно не соприкасаются. Более того, вопрос усложняется тем фактом, что мы наблюдаем среди людей множество различий, настолько сильных и явных, что порой даже кажется странным, почему все эти столь разные существа обозначаются единым словом «человек».

Если мы спросим себя, что такое человек, с учетом всего этого, то поймем, что не можем ответить на этот вопрос: мы не знаем. Ни с анатомической, ни с физиологической, ни с психологической, ни с экономической точки зрения никакие общие определения не подходят, ибо они в равной мере соотносятся со всеми аспектами, не позволяя нам обозначить наблюдаемые нами различия. Хотя наш информационный багаж вполне достаточен, чтобы дать определение человеку, но мы не знаем, как бы подойти к этому вопросу попроще. Мы сами усложняем и запутываем вопрос.

В рамках данного учения человек определен как существо, которое может «делать», — иными словами, действовать осознанно и в соответствии с собственной волей. Невозможно найти более полного определения. Животные отличаются от растений своей способностью к передвижению. И хотя моллюск прикреплен к камню, а некоторые виды водорослей способны двигаться против течения, что, казалось бы, противоречит данному принципу, тем не менее он остается верным: растение не может ни охотиться за пищей, ни убежать от опасности, ни прятаться от преследователя. Человек отличается от животных своей способностью к *осознанному действию*, способностью к *деланию*. Невозможно это отрицать, и мы видим, что данное определение удовлетворяет всем требованиям. Оно позволяет нам отделить человека от других существ, не владеющих способностью к осознанному действию, и в то же время различать отдельных людей в соответствии с тем, в какой степени осознанны их действия.

Не будет преувеличением сказать, что все различия между людьми, сколь бы разительны они ни были, можно свести к степени осознанности в их действиях. Люди так сильно отличаются друг от друга потому, что действия некоторых из них, по нашему мнению, глубоко осознанны, тогда как действия других настолько неосознанны, что порой кажется, будто они бессознательнее камней, которые по меньшей мере адекватно реагируют на явления внешнего мира. Вопрос усложняется тем фактом, что один и тот же человек может демонстрировать едва ли не одновременно полностью осознанные волевые действия

и совершенно неосознанные животно-механические реакции. В силу этого человек представляется нам необычайно сложным существом. Данное учение не признает этой сложности и выдвигает перед нами парадокс: человек — это тот, кто может «делать», но в то же время среди обычных людей, равно как и среди тех, кого мы считаем людьми необычными, нет никого, кто мог бы «делать».

В личной, семейной и общественной жизни, в политике, науке, искусстве, философии и религии все от начала и до самого конца «делается». Никто не может ничего «делать». Если двое, начиная беседу о человеке, согласятся признать его существом, способным на «делание», мы будем всегда понимать друг друга. Конечно, нам нужно должным образом прояснить, что означает «делание», сказав, что оно требует высокой степени бытия и знания. Обычно мы даже не понимаем, что означает «делание», потому что и в нашем случае, и повсюду вокруг нас все всегда «делается» и всегда «делалось».

Человек, погруженный в сон, не может «делать». В его случае все всегда делается во сне. Здесь сон понимается не в буквальном смысле как сон организма, но в смысле состояния ассоциативного существования. Прежде всего нам нужно проснуться. Проснувшись, мы увидим, что не можем «делать». Затем нам нужно по доброй воле умереть и возродиться. Возродившись, мы должны расти и учиться. Лишь после того, как мы вырастем и обретем знания, мы сможем «делать».

Идея, что человек не может «делать» и все в его жизни «делается», совпадает с выводами позитивистской науки. С этой точки зрения человек представляет собой сложный организм, развившийся в процессе эволюции из самых простых организмов и способный проявлять сложные реакции на внешние влияния и впечатления. Эта способность реагировать настолько сложна и сама реакция может настолько далеко отстоять от вызвавшей и обусловившей ее причины, что человеческие действия — или по меньшей мере некоторые из них — с точки зрения неискушенного наблюдателя выглядят произвольными и независимыми. Фактически, человек не способен даже на малейшие независимые или спонтанные

действия. Он весь — не более чем результат внешних влияний и впечатлений.

Человек — это процесс, передаточная станция для сил. Если мы представим себе человека, с самого детства не подверженного никаким влияниям и впечатлениям, чья жизнь поддерживается неким волшебным способом, то такой человек не будет способен ни на одно действие или движение. На самом деле он вообще не сможет жить, как не сможет ни дышать, ни есть. Жизнь — это сложная серия действий: дыхание, питание, взаимообмен материи, рост клеток и тканей, рефлексy, нервные импульсы и так далее. Если человек не подвержен внешним влияниям и впечатлениям, то все это невозможно. И конечно, он не сможет совершать действий, которые мы обычно считаем произвольными и сознательными.

Таким образом, с точки зрения ученого-позитивиста человек отличается от животного только более сложными реакциями на внешние впечатления и более продолжительным интервалом между собственно впечатлением и реакцией. Но точно так же, как и животное, человек не способен на свое собственное независимое действие, и то, что мы называем «волей» в человеке, есть не что иное, как результат его желаний. Таков, очевидно, взгляд позитивиста. Но есть очень мало людей, которые искренне и последовательно придерживаются его. Большинство из нас уверяют себя и других в том, что они прочно стоят на позициях позитивистского научного мировоззрения, но на деле придерживаются некоей смешанной теории. Мы признаем позитивистский взгляд лишь до некоторой границы — а именно до тех пор, пока он не становится слишком суровым и неутешительным. С одной стороны, мы признаем, что все физические и психические процессы в человеке представляют собой только рефлексy, но в то же время признаем присутствие некоего независимого сознания, некоего духовного начала — свободную волю.

С точки зрения нашего учения воля представляет собой особое сочетание качеств, которые целенаправленно развиваются и присутствуют в человеке, способном на «делание». Это признак очень высокого уровня бытия в сравнении с бытием

обычного человека. Лишь те, кто обладают таким бытием, могут «делать». Все остальные — всего лишь автоматы, приводимые в действие внешними силами. Мы словно простейшие машины или механические игрушки, которые функционируют лишь до тех пор, пока заведена пружина внутри них, и не способны ничего добавить к этой силе. Человек обладает великими возможностями — намного большими, чем предполагает позитивистская наука, — но такие, как мы есть сейчас, мы не можем претендовать на то, что являемся сущностями, обладающими независимостью и волей.

ОТСУТСТВИЕ ЕДИНОГО «Я»

Обычно мы живем, используя лишь крохотную часть наших функций и сил. Это потому, что мы не знаем себя. Мы не признаем, что являемся машинами, и не знаем природы и принципа работы собственного механизма. Мы — *машины*.

Считается, что человек от рождения обладает неким механизмом, созданным для регистрации разного рода впечатлений. Регистрация некоторых из них начинается еще до рождения, когда в процессе роста возникают (и затем совершенствуются) все новые инструменты восприятия. Структура этих инструментов одинакова во всех частях машины, и она подобна пустым дискам, на которые записывают музыку. На этих дисках выгравированы все впечатления, начиная с первого дня нашей жизни и даже ранее. Помимо того есть механизм, позволяющий автоматически связывать все новые впечатления с теми, которые были записаны ранее, и вести хронологию. Таким образом, каждое пережитое нами впечатление записано в нескольких местах, на разных дисках, где и хранится в целости и сохранности.

То, что мы называем памятью, представляет собой очень несовершенное устройство, позволяющее нам использовать лишь малую часть нашего хранилища впечатлений. Между тем, однажды отпечатавшись, впечатление уже никогда не исчезает — оно всегда хранится на диске, куда записано. Многие эксперименты с использованием гипноза подтверждают, что

человек помнит все, что он пережил, до малейших деталей. Все особенности нашего мировоззрения и черты характера зависят от порядка, в котором были сделаны эти записи, и от качества записи на имеющихся внутри нас дисках.

Действие наших ассоциативных механизмов определяет то, как мы мыслим и чувствуем. Представьте себе, что то или иное впечатление было пережито и записано в связке с другим впечатлением, не имеющим ничего общего с первым, — например, некая зажигательная танцевальная мелодия была услышана в момент сильного душевного потрясения, несчастья или огорчения. Таким образом эта зажигательная мелодия станет всегда вызывать те же негативные эмоции — и наоборот: чувство огорчения будет вызывать в памяти эту мелодию. Наука называет это явление ассоциативным мышлением и ассоциативным чувствованием. Но наука не осознает, насколько сильно человек связан этими ассоциациями и насколько он не может от них избавиться. Наше мышление и чувствование полностью определяется характером и качеством этих ассоциаций.

Одна из самых больших наших ошибок — это иллюзия в отношении собственного «Я». Человек, как мы его знаем, — «человеческая машина», которая не может «делать», чьи действия просто «делаются», — не может иметь неизменного и единого «Я». Наше «Я» меняется так же часто, как наши мысли, чувства и настроения. И мы допускаем большую ошибку, считая себя постоянно одним и тем же человеком, тогда как в действительности каждый из нас *всегда является кем-то новым* и никогда не остается той же личностью, что и секунду назад.

У человека нет постоянного и неизменного «Я».

Каждая мысль, каждое настроение, каждое ощущение говорит: «Я». И в каждом случае мы предполагаем, что слово «Я» говорит от имени *Целого* — от имени целостной личности — и что мысль, желание или отвращение представляет собой выражение этого Целого. В действительности такое допущение совершенно не обоснованно. Каждая мысль и каждое желание возникает и живет совершенно независимо от Целого. И Целое на самом деле никогда себя не выражает — по той простой причине, что оно существует как таковое лишь в качестве мате-

риальной сущности в физическом теле и в качестве абстрактной концепции. В душе у человека нет никакого единого «Я», а скорее сотни отдельных мелких «я», которые очень часто либо совершенно не знакомы друг с другом и не имеют доступа друг к другу, либо же враждуют между собой, — иными словами, демонстрируют взаимное отрицание и несовместимость. Каждую минуту, каждый миг мы думаем или говорим «Я», и каждый раз это «я» — новое. Вначале это мысль, затем желание, затем ощущение, затем еще какая-нибудь мысль, и так до бесконечности. *Человек — это множественность. Имя ему — легион.*

Смена этих «я», их непрестанная борьба за верховенство управляется случайными внешними влияниями. Тепло, солнечный свет, хорошая погода — все эти вещи немедленно пробуждают целую группу «я». Холод, туман, дождь пробуждают другую группу с другими ассоциациями, чувствами и действиями. И в нас нет ничего, что могло бы как-то управлять сменой этих «я». В значительной степени это обусловлено тем фактом, что мы не осознаем перемены, но всегда живем в своем последнем «я». Естественно, некоторые «я» более сильны, чем другие. При этом речь идет не об их собственной сознательной силе, а о результате случайных воздействий или механических внешних стимулов. Такие факторы, как воспитание, образцы для подражания, чтение, религиозный гипноз, кастовые традиции, могут порождать внутри нашей личности различные «я», которые будут достаточно сильны, чтобы управлять целыми группами более слабых «я». Но их сила определяется записывающими дисками нашего воспринимающего аппарата. И все эти «я», составляющие нашу личность, имеют то же происхождение, что и диски. Как более сильные, так и более слабые «я» являются результатами внешних стимулов, и все они приводятся в движение и контролируются свежими влияниями извне.

Итак, повторим: у человека нет индивидуальности, нет единого целостного «Я». Он разделен на множество маленьких «я». Каждое из этих отдельных маленьких «я» может представляться именем Целого и говорить от имени Целого, соглашаться или возражать, давать обещания, принимать ре-

шения — и со всем этим наше «Я», или Целое, должно потом разбираться. Это объясняет, почему люди так часто принимают решения, которым потом не следуют. Например, человек решает, что с завтрашнего дня он будет вставать по утрам пораньше. Это решение принято каким-то одним «я» или, возможно, группой «я», но потом выясняется, что то «я», которое собственно и осуществляет пробуждение, категорически не согласно с таким решением, а возможно, даже и не знает о нем. Естественно, этот человек на следующее утро опять будет спать допоздна, а к вечеру снова пообещает себе с завтрашнего дня вставать пораньше.

В некоторых случаях этот феномен влечет за собой весьма неприятные последствия. Одно маленькое случайное «я» может пообещать что-нибудь не самому себе, а кому-то другому, следуя мимолетному капризу или просто из тщеславия. Затем оно исчезает, а личность — то есть полное сочетание других «я», которые не несут никакой ответственности за действия того отдельного «я», — может потом расплачиваться всю свою жизнь. Именно в этом трагичность положения человека: *каждое маленькое «я» имеет право подписывать чеки и брать на себя обязательства, а личность — то есть Целое — должна эти обязательства выполнять.* Порой вся жизнь человека состоит в том, что он выполняет обещания маленьких случайных «я» или же пытается освободиться от этих обещаний.

Наше главное заблуждение — это убеждение в том, что мы можем «делать», что у нас есть способность действовать, совершать что-то. В действительности же человечество в своем нынешнем состоянии не способно делать что бы то ни было. Все, чем занимается человечество, просто «делается». *Все, что вокруг нас происходит, все, что мы совершаем, все, что от нас исходит, — все это с нами происходит.* И происходит это приблизительно так же, как дождь начинается в результате температурных процессов в различных слоях атмосферы, или как снег тает под лучами солнца, или как вода замерзает при определенной температуре. Человек — это машина. Все, что мы делаем, все наши действия, слова, мысли, чувства, убеждения, мнения и привычки являются результатом внешних влияний и впечат-

лений. Сами мы не можем совершить ни единого действия, не можем выдать ни единой мысли. *Все, что мы говорим, делаем, думаем, чувствуем, — просто происходит.* Мы не можем ничего открыть, ничего изобрести. Все это «делается», все происходит само собой.

Чтобы уяснить данный факт, чтобы понять его, чтобы увериться в этой истине, нам нужно избавиться от тысяч иллюзий в отношении человека, в отношении нашей способности творить или контролировать собственную жизнь. Все, что мы, по нашему мнению, делаем, просто происходит: общественные движения, войны, революции, смены правительств — все это просто происходит. То же самое касается и всего, что случается в жизни отдельного человека. Мы рождаемся, живем, умираем, строим дома, пишем книги не потому, что так хотим, а просто потому, что так складываются обстоятельства.

Мы не можем делать, строить, разрушать, думать или воображать, но *просто являемся составляющей частью делания, строительства, разрушения, написания или воображения, которые происходят сами собой.* Мы не можем любить, ненавидеть или желать, а просто *переживаем* любовь, ненависть или желание. Все неизбежно имеет причину в чем-то другом.

Люди верят в прогресс и в культуру, но *не существует такого явления, как прогресс.* Все остается точно таким же, как было десятки лет назад — и даже десятки тысяч. Может изменяться внешний вид вещей, но не сущность. Человечество всегда остается одним и тем же. Жизнь «цивилизованных» и «культурных» людей вращается приблизительно вокруг тех же интересов, что и жизнь самых невежественных варваров. Современная цивилизация основана на насилии, и рабстве, и красивых словах. Между тем «прогресс» и «цивилизация» в подлинном смысле этих слов не могут случиться сами по себе в результате неосознанных механических действий. Они могут возникнуть лишь в результате *осознанных* усилий. Но на какие осознанные усилия может быть способна машина? И если одна машина действует неосознанно, тогда и сотня машин действуют неосознанно — то же самое верно и в отношении тысячи, или сотни тысяч, или миллиона машин. Неосознанная деятель-

ность *миллиона машин* неизбежно должна вести к разрушению и истреблению. Именно эти неосознанные непроизвольные действия и являются корнем всех зол.

Один из частных аспектов этого — вопрос войны. Люди спрашивают, как остановить войны, но войны остановить невозможно, ибо они являются результатом того рабства, в котором мы живем. Строго говоря, человека нельзя винить в наличии войн, которые фактически являются результатом планетарных влияний космического масштаба. Но мы не оказываем никакого сопротивления этим влияниям и не можем сопротивляться им, поскольку являемся рабами. Если бы мы были свободны и способны на «делание», то смогли бы сопротивляться этим влияниям и воздерживаться от взаимного убийства. Мы — те, кто мы есть, и не можем быть другими. У войн есть множество неведомых нам причин — некоторые находятся внутри нас, некоторые снаружи. Нам нужно начать с тех причин, которые внутри нас, признавая, что нет никакой возможности обрести независимость от космических сил, пока мы остаемся рабами всего, что нас непосредственно окружает. Нам нужно увидеть, что мы находимся под контролем всего, что вокруг нас. Если мы сумеем обрести свободу от окружающих вещей, то затем сможем освободиться и от планетарных воздействий.

Свобода, освобождение — вот в чем должна состоять наша цель. Обрести свободу, сбежать из рабства — вот к чему надлежит стремиться, если мы хоть немного понимаем свое нынешнее положение. До тех пор пока мы остаемся рабами — как внутри, так и снаружи, — мы не можем ничего совершить и никогда не сможем освободиться от рабства обстоятельств. Но мы не перестанем быть рабами внешних условий, пока остаемся рабами внутри. Чтобы обрести свободу, нам нужно достичь внутренней свободы. Основная причина нашего внутреннего рабства — невежество, то есть незнание о себе. Без самопознания мы не сможем освободиться, не сможем управлять собой. Без понимания, каким образом работает наша машина, мы навсегда останемся рабами — игрушками воздействующих на нас сил.

Литературно-художественное издание

Г. И. Гурджиев

**В ПОИСКАХ БЫТИЯ
Четвертый Путь к Сознанию**

Перевод *Е. Мирошниченко*

Редактор *И. Старых*

Консультант *Т. Ткаченко*

Корректоры *Т. Селезнева, Е. Яковенко*

Оригинал-макет *Г. Булавко*

Обложка *И. Дерий*

ООО Книжное издательство «София»
115191, г. Москва, Гамсоновский пер., д. 2, стр. 1

Для дополнительной информации:

Издательство «София»

04073, Украина, Киев-73, ул. Фрунзе, 160

Подписано в печать 23.11.2016 г.

Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 13,44.

Тираж 3000 экз. Зак.

**Отделы оптовой реализации
издательства «София»**

в Киеве: +38(044) 492-05-10, 492-05-15

в Москве: +7(499) 643-43-03

в Санкт-Петербурге: +7(812) 676-07-68

www.sophia.ru

Мы в соцсетях

facebook.com/SophiaBooks

vk.com/sophia_publishing

instagram: [sophia_publisher](https://instagram.com/sophia_publisher)